

Почти в любом селе есть дома как бы неуместные здесь, чужие. Два этажа, скрипучая лестница, шестнадцать квартир. Однако и не городские: тёмные, бревенчатые, у дверей вповалку сапоги, и запах кислый, избяной.

Народ там обитает такой же маргинальный. Заводчане на сельхозработках, шабашники, молодые учителя. Хотя какие они, к чертям, молодые? Вон историк, Николай Степанович, лет за тридцать мужику. Учительствует давно. Пользуется, как говорят завистники, дешёвым авторитетом, руководит школьным ВИА и баскетбольной секцией. При этом росту он совсем не гренадерского. Коренаст, ухмыльчив. Напоминает одного киноартиста, игравшего при соцреализме хитрожопых деревенских умников. Выпивает регулярно, но без спешки. Разведён.

Рядом, в шестой квартире, затаился биолог Георгий Ильич. Пятидесятилетний, незаметный, лысина, толстые стёкла очков. От школы его мутит так давно, что состояние это кажется нормальным. «Хоть бы год спокойной жизни или три... – мечтает биолог о пенсии, – главное, чтоб не вынесли прямо из кабинета». На уроках школьники и Георгий Ильич существуют автономно. Семьи вроде бы нет. Учительская крепкая семья – это вообще оксюморон. Работа выедает толерантность дочиста, как у полицейских, например, или лакеев.

Вечерами историк навещает коллегу. Ему охота поговорить и выпить разведённого спирта. Рядом с деревней – спиртзавод, где у Николая всё под контролем. Жаль, собутыльник из Георгия неважный. У него был инфаркт. Одно время Николай ходил в соседний подъезд к учителю английского Ивану, человеку действительно молодому и в школе недавнему. Но затем у беременной жены Ивана стал портиться

характер. Николай отнёсся с пониманием. Это у них всегда так: месяце на пятом звереют. А потом – ничего.

И вот Алёна родила, но оставалась пока в больнице. Законный повод устроить мальчишник, – решил Николай. Иван моментально согласился. Позвали Георгия Ильича, физрука Толика. Из города подтянулись бывшие сокурсники Ивана – Андрон и Фома. Фоме не хотелось ехать с Андроном, как чувствовал – выйдут проблемы. Не человек, а ходячий трабл – большой, шумный, везде с ним тесно. Начнёт в электричке травить похабные анекдоты – слышат оба тамбура.

И начал, кто бы сомневался. Анекдоты были старые, на тему голубых – она его по жизни волновала. Андрон изображал героев в лицах, находя это дико смешным. На приятелей косились.

– Сидят два гомика в землянке, – Андрон «подкрасил» губы и ногти, запищал фальцетом, – дорогой, кажется, немцы в атаку идут. – А они красивые? – Ой, нет, страшные. – Ну тогда, огонь! Ха-ха-ха-ха! Или вот: молодожёны, первая брачная ночь, все дела. Он: киска, у тебя до меня парни были? – Нет... – А у меня были!

– Что за мерзость, прости-господи, стыд какой... – не выдержала бабка с рюкзаком.

– Стыдно, у кого видно, – весело откликнулся Андрон, – а у кого болтается – не считается!

Явился на вокзал уже хороший, – сообразил Фома. Зачем вообще бухать, если дури природной с избытком? Но это был, конечно, риторический вопрос. Андрон находился в той фазе жизни, которую называл *Flucht aus dem Zoo* или побег из зоопарка.

Раз в полгода Андрон убегал из дома, точнее, от сумасшедшей мамы. Та его вычисляла рано или поздно. И, вернув к семейному очагу, мудохала подолгу чем-нибудь тяжёлым. «Вот те, сучий потрох! Вот те, мразь! Нагулялся, вошь лобковая?!» Андрон, бугай под метр восемьдесят и столько же в диаметре, защищал голову: «Ну хватит, мам... Заканчивай, мам...» Он знал, что экзекуция неотвратима, поэтому на воле распахивался душой.

Однажды Андрон Воеводин показывал друзьям фотоальбом. Из мутных окон в прошлое глядел задумчивый толстый ребёнок. Казалось, он удивляется, всматриваясь в Андрона сегодняшнего: как из него получился такой неадекват? Лёха Фомин не удивлялся. Он дважды общался с мамой Андрона и больше точно не хотел.

В детстве у Фомы была книжка «Рейнеке-лис» с жутковатыми, натуралистическими иллюстрациями. Морды большинства персонажей излучали бездну тупости и разврата. На их фоне мерзавец-лис выглядел даже симпатичным, что отчасти передавало идею книги. Один рисунок

изобразил фантастическое чудовище: царицу пещерных горилл. Увидев Эльвиру Романовну Воеводину, Фома поразился сходству. Мама Андрона выглядела так, будто кожу человека напялил загадочный организм, великий и ужасный.

Папа у них отсутствовал. Иногда Фома думал: что за странный мужик польстился на Эльвиру Романовну? Возможно, какой-то маньяк изнасиловал её в темноте.

Мать Андрона ненавидела Фому. Это чувство распространялось и на других приятелей сына, однако Фома всегда имел бонус. Кроме того она ненавидела соседей, товарищей по работе, бездельников из ЖЭКа, продавцов, звёзд эстрады, геев, евреев, антисемитов, диссидентов и коммунистов. Словом, тех, кто находились в поле зрения. Часто там находился Андрон. Мама его, впрочем, и любила тоже, но с оттенком психического расстройства. Незаметно ушлёпок-сын заменил ей мужа-подкаблучника. И когда он это осознал, исправлять что-либо стало поздно.

В школе его, конечно же, дразнили – батоном и гандоном, но издали. Андрон мог долго терпеть и вдруг наотмашь смазать обидчика по уху, а рука у него с детства была чугунная. Как большинство изгоев, Андрон любил читать. На уроках литературы отдыхал, немецкий считал забавой. Язык Гитлера и Канта увлék его своей организацией. Усвоил правила – а дальше всё легко. В жизни правил не хватало. Материнская ласка или визг были не особенно привязаны к реальности. Обычный сюр, ко всему человек привыкает.

В десятом классе его ограбили. Трое обдолбанных гопников показали нож в сортире ЦУМа. Андрон отдал сигареты и деньги. Затем проследовал в ментовку за углом, где толково описал шпану. И даже вызвался помочь при задержании. Их взяли минут через пять. Крупный, мрачноватый юноша понравился блюстителям закона.

– Хочешь к нам внештатником?

– Хочу.

Шесть лет безвозмездной помощи милиции затейливо дополнили семейное воспитание. Андрон постиг основы боевого самбо. С удовольствием мочил подонков общества: алкашей, нарков, гопоту. Освобождал их от сомнительно добытого имущества. Перестал бояться кого-либо, мама – не в счёт. А главное – увидел себя личностью высокого полёта. В смысле, многих имеешь, а тебя – почти никто. Плюс квасить стал всё, что горит.

Выпивал он так. Месяцев шесть-семь – вообще ни капли. Друзья привыкли, если вдруг застолье, Андрону – лимонад. Причём, он с него дурел, использовал резервы организма. Потом как будто таймер

сигналил в голове. И уходил Андрон в запой, бессмысленный и беспощадный. Недели две скрывался по тусовкам, а мать его искала. На каком-то этапе её большую голову осенила идея – в загулах сына виноват Фома.

Фома долго не подозревал, что назначен крайним. Выяснилось это следующим образом. Как-то, ещё студентами, плотно зависли у Ивана, он тогда был холостой. Андрон не участвовал. Точнее, забежал накоротке с бутылкой водки и фрагментами скумбрии в пакете. Рассказал невнятную историю. Якобы он в скверике кому-то не понравился. Или ему кто-то. Пришлось чуток отремонтировать им фейсы. Жаль, рыба потеряла вид, но мы её не замуж выдаём, наливай, короче, в темпе, пацаны. Выпил граммов триста, закусил и шпацирен-марширен. У Ивана оставаться – риск.

Утром Иван решил пройтись. Только у ларька сообразил – куда шёл и зачем. А канистры нет... Пиво есть, а канистры нет! Вот облом, хоть назад беги. И как раз мужик идёт с бидоном. Иван увидел шанс.

– Эй, брат, здорово! Ты за пивом?

Брат слегка напрягся, попробовал узнать Ивана.

– Не... За молоком. Жена отправила. А что?

– Смотри. Сейчас мы в твой бидончик наливаем пива. И быстро выздоравливаем. Так?

– Так... – заинтересовался брат.

– Потом берём добавки и – ко мне.

– У меня рубль.

– Деньги не проблема. Выпиваем, ополаскиваем, и ты спокойно идёшь за молоком.

Прижился, в общем, дядя. Сначала забывал уйти, на третий день уже боялся. Звали его, кажется, Василий, откликался также на Петра. И засыпал не вовремя. Фоме с Иваном надо по делам, а Вася спит, как эмбрион. Да хрен с ним – закрыли и ушли.

Возвращаются – у подъезда мать Андрона ещё с какой-то тёткой.

– Где мой дебил? В квартире?

– Это вряд ли, – говорит Иван.

– Врёшь. Пошли смотреть!

– Да легко!

В подъезде у Фомы случилась ржака. До коликов в боку, почти истерика. Иван отомкнул. Мать Андрона – шашть к дивану. Сдёрнула плед, а там Василий!

– Хоба! – Фома выставил два средних пальца.

Это он вообще-то зря.

– Смешно? – Эльвира Романовна обернулась. Её трясло, ноздри вздёрнулись, с клыков летела пена. – Ладно, выкидыш сучий, радуйся,

что это не он. Когда будет он, я тебя убью, понял?! Это ты – ты! – его сбиваешь с толку... Пусть я отсижу – но ты у меня будешь гнить в земле!

Совхоз «Маяк».... Двери закрываются. Следующая – «Горки».

– Наша, – сказал Фома, – айда, покурим.

Тамбур встретил холодом и лязгом. За окном горизонтально нёсся снег. Из сугробов там и сям выныривали избы. Кое-где мерцали огоньки, пластался дым из труб. Мелькнули две пятиэтажки с весёлыми гирляндами окон. И опять все смазал тёмный перелесок.

Иван ждал на платформе. Дублёнка распахнута, шапка на затылке, вид малость очумелый.

– Папаша! Огоньку не найдётся? – окликнул его Андрон.

– О! Здорово, кабаны! Наконец-то... Здорово! Ну всё, пойдём, тут рядом...

Двинулись гуськом меж елей и сугробов. Разговаривать было трудно: вьюга уносила звук.

– Сына уже видел?

– Кого?

– Хрена моего! Сына, говорю, видел? Или у тебя ёжик родился?

– В окне!

– На кого похож?

– Не знаю...

– Мужья часто не знают! Ха-ха-ха-ха!

– Как назвали-то?

– Фомой.

– Да ты гонишь!

– Тогда уж лучше Андроном.

– Тогда уж лучше раздолбаем – для полной ясности. Раздолбай Иванович – звучит?

– Да пошли вы!

– Привыкай. Быть папачес – большой мучачес.

По сторонам чернели дома, заборы. Вспыхивала и гасла метель, пойманная светом фонаря. Вяло перетявкнулись собаки.

– Далеко ещё? – спросил Фома.

– Сразу за школой. Вон она.

Мрачное, казенное строение заставило ускорить шаг. Хотелось быстрее миновать его. Апофеоз провинциальной тоски, – думал Фома, – эти сельские школы, больницы, клубы... Одновременно вроде бы действующие и заброшенные. И ведь какие-то бедняги ходят сюда каждый день. Иван, к примеру. Мало того, из школы видят свой дом. А из дома – школу.

Тотчас открылся и дом, сумрачный, как будто нежилой. Два святящихся окна казались имитацией, внушали мысли о потере и забвении. Дом надвигался, как дыра в пространстве. Портал в неведомое. Глаз. Жёлтые квадраты выделялись на снегу. С крыши нависала ледяная глыба. Внезапно Фоме захотелось исчезнуть отсюда – немедленно. Но уже заходили в подъезд.

Дверь замёрзла открытой градусов на тридцать. Андрон едва протиснулся. Дохнуло затхлостью, мышами, грибами, плесенью и смертью... Что за дрянь лезет в голову, – поморщился Фома. В желудке шевельнулось что-то лишнее. – Зачем я подумал эту гадость – «смертью»? Надо как следует выпить. Однако вплоть до третьей рюмки не мог он побороть в себе нелепых ощущений: раздражения, досады, неясного предчувствия беды.

Голоса из квартиры донеслись ещё в подъезде. В нетрезвых интонациях угадывался диспут о проблемах человечества.

– Эй! Мы пришли! – крикнул с порога Иван.

Спор в комнате не утих.

– ...жертвовал частью народа ради будущих поколений, – объяснял уверенный басок. – Можно было сделать иначе? Наверно, да. Но – диалектика, относительность, контекст! Как адекватно оценивать сталинские методы в нашу вегетарианскую эпоху? С точки зрения исторической перспективы...

– Как же, слышали! – перебил интеллигентный тенор. – Скажи ещё, с точки зрения арифметики. Пусть миллион китайцев умрёт, зато остальные будут жить при коммунизме. А что, всё правильно. Особенно, если ты среди вторых.

– А при чём здесь китайцы? – вставил третий, наиболее пьяный голос.

– Анатолий, вы нажрались.

– Отнюдь. Но Мандельштама я этому уроду не прощу!

– Ба! Новые гости прибыли!

– Опоздавшим штрафничок!

Задвигались стулья, наполнились рюмки. Сделалось по-доброму шумно и тепло. В квартире ещё оставался тот уютный женский мирок, где всегда чисто и хорошо пахнет. Пара дней холостяцкой жизни Ивана не спугнули, не выветрили его. Выпили за новорожденного, за молодых-родителей. Потом – за школу, чтоб она сгорела. За «давайте чаще встречаться, пацаны». За нас с вами и хрен с ними...

Скоро все заговорили разом. Толик пытался развлечь Николая. Андрон – напоить Георгия Ильича. Фома обнимал Ивана.

– Ты на родах-то присутствовал, отец?

– Это ещё зачем?!

– Ну, поддержать там, облегчить страдания...

– Какие страдания? Алёна проспала всё от и до. Мы дензнаков занесли, кому положено.

– А вообще не интересно?

– Не интересно. Ты хочешь, чтобы я импотентом стал?

– Я тебе как биолог скажу. Вся эта забота о будущих поколениях, историческая миссия, священный героизм – туфта! Опиум для стада, чтоб им было легче убивать и подыхать. Единственная цель терактов, войн и революций – перераспределение собственности между узким кругом лиц. Если распутать клубок заморочек – останется древняя схема: ищи, кому выгодно.

– А может, всё наоборот? Может, выгода – не причина, а следствие?

– Ты в зоопарке давно был?

– Ха! Был... Я в нём, считай, живу.

– В смысле?

– Сейчас накатим – объясню.

– Не, я – пас. Вообрази большую клетку обезьян...

– Давай, полрюмки, а то не воображу.

– Наливай.

– ...а после дня учителя было школьное самоуправление.

Помнишь?

– Ну.

– Я с утраца, как вспомнил, что работа отменяется, сразу – к девчонкам на тему подлечения. Они толком не встали ещё: Света в халате, Лилия в пижаме. Ищи, говорят, на столе полно осталось. Наливаю стакан портвейна. Тут стук в дверь. И появляется директор.

– Михал Иваныч?

– Нет, Майкл Джексон.

– Чего он там забыл с утра пораньше?

– Хороший вопрос.

– В клетке обезьян всегда есть босс. И претенденты есть на это место. Потому что он имеет лучшие бананы и гарем. Бывают революции, волнения, так сказать, народных масс. Но ради чего?..

– Да понял я. Хотя... вот, например, религиозные вожди: Лютер, Хомейни, Савонарола. Где там банан?

– Умница – пять баллов! Банан – за скобками. В подтексте, между строк...

...смотрит и молчит. Немая сцена, прям театр. И смотрит как-то мимо: тоже хворает, думаю, ага. И даю ему свой банан... Тьфу, блин! –

стакан. С праздником, Михал Иваныч! Он не сразу выпил. Всё-таки трое подчинённых и двое не одеты...

...бу-бу-бу-бу... бу-бу-бу...

...протянет ей журнал и отдёрнет. Протянет и отдёрнет. И это при учениках. Света плакала в тот день...

...у тебя даже братья Матюгины сидят, как немые и пришитые...

...тактика выжженной земли: портфель – мне, сам – за родителями...

...знал бы прикуп – соломки б настелил...

...зарплата по-любому – с кошкин нос...

В какой-то момент Фома упустил нить вечера. И вновь поймал её за кухонным столом. Напротив кто-то витийствовал, дирижируя сигаретой. Кто-то очень знакомый. Так. Иван. Коллеги его исчезли. Из комнаты слышался мокрый храп: кхрр... кхрр. Андрон. Надо тоже баиньки, – подумал Фома. Мальчишник проскочил этап логичного финала и увяз в бестолковых ночных разговорах.

– ...человек способен на поступки, бесполезные для выживания, – говорил Иван, – даже вредные. Творчество, например...

Фома увидел перед собой рюмку водки и кружку чая. Глотнул последовательно. Достал из пачки сигарету.

– ...человек начинает действовать не из шкурных интересов, а ради принципа. Иногда в ущерб себе.

– Да хватит уже... – обозлился Фома, – зафакали этим человеком! У меня кот готов был умереть ради принципа. Кот! Хотел, понимаешь, гадить за диваном – и точка. Что только не делали... – Фома покачал головой. – Воняло хуже деревенского толчка. Я раз увидел новую кучу, сорвался. Схватил его вот так, думаю – не дай Бог, убью. А он смотрит, как партизан, и говорит: убей меня, пытай, делай со мной, что хочешь. Но я буду срать там, где мне нравится.

– Прям так и сказал? – усмехнулся Иван.

– Прям так и сказал.

И тут входная дверь заколотилась от ударов. Ещё. Ещё. Били с ненавистью.

– Это что за новости? – Иван поднялся, шагнул в коридор. Не открывай!! – хотел крикнуть Фома. Он вдруг понял – там не соседи, не телеграмма. Не заблудившийся алкаш. Такой стук означает нечто гораздо худшее. Фома почти знал, что скрывается за дверью. Крикнуть он не успел.

Дверь распахнулась, будто выстрелила, и сразу кто-то упал. Большая, страшная тень метнулась в комнату. Эльвира Романовна

Воеводина. Нет!! – взвизгнул ребёнок в голове у Фомы. – Этого не может быть! Как она узнала?! В комнате мычали, рычали, снова что-то падало. Последовали смачные звуки оплеух.

Фома понимал, что должен валить – сейчас, немедленно, быстрее, идиот! Но вместо этого сидел парализованный, зажмурившись внутри, и дожидался хоть какого-то финала. Ведь ничего особенного не происходит? А если происходит, то с кем-то другим... Так, вероятно, думает барашек, привезённый на шашлык. Его даже не связывают толком. Он чувствует запах костра, слышит звяканье шампуров, гогот людей, которые будут... Будут... которые... Так же смеясь, запихивать во рты что-то горячее, дымящееся. Запивать тёплым красным вином. Вытирать жирные пальцы о траву. И вдруг ему становится легко и как-то тупо радостно. Всё-таки он здесь почётный гость. Он даже пытается улыбаться...

Фома поднял глаза. В дверях стояла Эльвира Романовна. Шуба нараспашку, космы прилипли к лицу. На щеке – мясистая бородавка с тремя волосками, Фома ясно различал каждый. Они хоть выглядели по-человечески. «Ну, всё. Ты досмеялся», – произнесло существо.

Дальше за Фому действовал инстинкт. Инстинкт выдернул его из-за стола, заставил схватить увесистую пепельницу и метнуть в голову Эльвиры Романовны. Одновременно или мгновением раньше она с утробным звуком «ы-ы-их!» вдавила стол Фоме в живот. Бросок ушёл мимо, рюмки-чашки полетели. Нащупав табурет, Фома резко пнул его. И кажется, попал Эльвире в ногу. Ага!

Но вместо гримасы боли лицо сумасшедшей исказила ухмылка. Рука её схватила что-то с полки. Ы-ы-их! Лезвие кинжала просвистело наискось в сантиметре от лица Фомы. Он шархнул. Тотчас новый удар столом – х-хрэк! – вдавил его в стену. С немощным ужасом Фома осознал, чем сейчас будет зарезан. Это был не кинжал (и правда, откуда ему взяться?), а ножницы. Длинные раскройные ножницы! Сжав их поудобней в кулаке, Эльвира изготовилась для бойни.

И – забила в мощных объятиях сына. Андрон обхватил маму сзади, фиксируя руки. Нечеловеческим усилием оттащил с прохода. Безумица рвалась к Фоме, мычала, трясла головой.

– Беги!!! – заорал Андрон.

Фома ломанулся. Вмял ноги в ботинки, сорвал шапку, пальто. Дверь была настезь. Иван куда-то пропал.

– Беги! – ревел Андрон. – Я её долго не удерж... а-агх!

Фома ухнул по лестнице, не чуя ступеней. Вон он – проём, живительный холод свободы. Особь низвергалась следом, громко дыша. Только бы выскочить на улицу... Господи, не здесь! Не в этом доме! Сзади ударило, толкнуло вперёд. Последней конвульсией сознания Фома услышал грохот. Увидел, как падает лицом в снег...

Вой сирены завинчивался в мозг. Глубже, сильнее... Резко стих. Историк Николай проснулся. Голубые огни скользили по комнате. Хм, менты? – подумал Николай. – Или скорая? Зачем сирена ночью? Не с Георгием ли чего... Наспех оделся, вышел в подъезд. Тут же приоткрылась дверь напротив, и выглянул Георгий Ильич.

– Слава Богу! – обрадовался Николай. – Я боялся, тебя дед Кондратий навестил.

– Не дождётесь, – хмуро сказал биолог, – это в соседнем подъезде, вроде.

– Пойду, гляну.

– Погоди, я с тобой.

Фома бежал через заснеженное поле. Куда бежал? Как очутился в поле? Спросите что-нибудь полегче. Он бы имени своего теперь не вспомнил. Бежал, пока не кончилась дорога. Затем шёл, ломая целину, увязая в снегу. Ботинки и джинсы намокли, лицо закаменело от пурги. Вдруг двигаться стало легче. Ещё шаг... пустота. И Фома полетел в овраг.

Противоположный склон оказался упрямым. Каждый раз, сползая вниз, Фома испытывал ощущения насекомого в песчаной ямке. Была такая детская забава: посадишь в ямку муравья и наблюдаешь, как он сучит лапками. Песок-то осыпается. Ещё подкинешь ему малость на голову для интереса. Каждому воздастся по делам его.

Около двенадцати ночи в квартиру одной из пятиэтажек-близнецов – архитектурных изюминок совхоза «Маяк» – робко позвонили. Многоквартирные дома с тёплым водоснабжением были гордостью совхозного начальства. В короткий срок они решили вечную российскую задачу: удержание населения в местах традиционного обитания. И даже как бы её перевыполнили. Половину квартир таинственным образом занял шустрый городской народец, ездивший на службу электричками.

Хозяева дремали у телевизора. Они давно освоились на первом этаже, так что звонки всяких идиотов воспринимали философски. «Коль, иди разберись. Дай там по башке как следует». Коля посмотрел в глазок. Фигура на площадке напоминала снежного человека, только маленького.

– Чего надо?

– Извините... Я з-заб...блудился. Как пройти на станцию?

Коля открыл дверь.

– За домом сразу налево. И десять минут прямо. Куда едешь-то?

– Вг... в город. А мы вообще где?

– Пить надо меньше. Беги, давай. Успеешь на последнюю.

Фома успел. Вагон был пуст. Нет, в дальнем конце сугулилась бомжиха с узелком. Грязноватая «аляска», капюшон опущен на лицо. Вагон болтался, набирая скорость. Фома закрыл глаза. Потихоньку восстанавливались чувства: холод, голод, адская усталость. Кажется, он задремал.

И ещё во сне начал понимать – с вагоном что-то не так. Да. Бомжиха переместилась. Теперь она стояла ближе – в нескольких шагах. Капюшон едва скрывал прямой, тяжёлый взгляд. Мёртвый. И в руке у неё был не узелок. Нет, мальчики и девочки, совсем не узелок! Ножницы. Господи, ножницы... Чьи-то ледяные пальцы гаммой пронеслись вдоль позвоночника. Сердце заметалось между горлом и желудком. Я ничего этого не вижу, – подумал Фома. Но он, разумеется, видел.

Тварь отбросила капюшон.

Это была она. Царица пещерных горилл – великая и ужасная.

Отверзлась чёрная пасть, точно собираясь укусить бигмак. Визг резанул по ушам, будто завопили сразу несколько младенцев: «Иииииииии! Иииииииии!! Убивают!! Убива-а-ают!!!» Фома вряд ли поверил бы, что способен издать этот звук. Он снова бежал, летел через вагоны. Через аханье дверей, громыхающие тамбуры – искал глазами людей, хоть одного живого человека. Первый вагон, тупик – и опять никого. Но кто-то же должен вести этот поезд?! Заколошматил в дверь кабины машиниста. «Откройте! Спасите... Убивают...» «Наряд милиции, срочно пройдите в головной вагон», – хрипло ответил динамик. И затем: «Центральный вокзал, конечная. Просьба освободить вагоны». Фома вывалился на платформу.

К остановке, интимно светясь, подрулил автобус. Нереальное везение. Но Фома к этому времени утратил связь с реальностью. Он не удивился. И уже хотел войти, когда заметил сквозь белёсое окно фигуру или тень в глубоком капюшоне. Фигура обернулась к нему тёмной, жуткой полостью. И слегка кивнула.

Приехали. Вот так слетает крыша. Фома метнулся от автобуса, пытаясь не бежать. Я не сумасшедший, я просто устал. Я должен успокоиться – сейчас же. Голоснул, остановилась тачка, он приоткрыл дверь. Водитель был мордатый и косматый. Бородавка, как жучок, сидела на щеке. Фома мысленно поднял руки.

– Я просто устал, – сказал он, – просто устал. А так со мной всё хорошо.

– Ты уверен? – усмехнулись из салона. – Ехать-то куда?

Задние двери «Скорой» были распахнуты. Из подъезда слышались голоса. Рядом стояли носилки, у кабины перекуривал шофёр.

– Что там случилось? – Николай достал сигареты.

– Бабка упала в подъезде. Что вы за люди такие, дверь расчистить не можете? Вручную приходится таскать...

– Хм, бабка... – качнул головой Ильич. – У нас тут бабок нет. Жить-то будет?

– А куда она денется? Починят. Ещё нас переживёт.

Эльвира Романовна умерла в семьдесят девять лет. На месяц раньше сына. В последний год он редко выходил на связь. Разок-другой Фома общался с ним по скайпу. Андрон всегда полулежал в развалах мятого белья. Он был похож на говорящую медузу. Затем надолго выпал из сети. Осенью на его странице в фейсбуке появился лаконичный мессидж: «Андрон умер».

Фома набрал Ивана.

– Это правда?

– Правдее не бывает. Я сам его хоронил. Мы с женой и пара дальних родственников – охотники за флэтом. Он страшный был такой. Серый весь, как... холодец.

– От чего умер-то?

– Инфаркт. Пустую бутылку нашли у кровати. И два пива в холодильнике. Не дошёл. А вообще, я думаю, не смог он без матери.

Друзья помолчали.

– Сбежал всё-таки, – нарушил паузу Фома.

– Не понял, – спросил Иван, – откуда?

И сразу понял, откуда.